

АЛЬ ПАЧИНО,
«ЧЕЛОВЕК
СО ШРАМОМ», 1980

БЛАГОПРИЯТНАЯ СРЕДА

для Бонда возникла, когда разрушились классические представления о мужественности

МАРЧЕЛЛО
МАСТРОЯННИ,
КОНЕЦ 1960-Х

БРЮС УИЛЛИС,
«КРЕПКИЙ ОРЕШЕК-3:
ВОЗМЕЗДИЕ», 1995

АНТониО БАНДЕРАС,
DESPERADO, 1995

таковы персонажи Ричарда Бартона и тем более Дирка Богарда.

В дотелевизионную и докомпьютерную эру каждый заметный персонаж массовой культуры обязан был всю жизнь играть отведенную ему роль — в значительной степени социальную. Мужественность героя экрана всегда ассоциировалась и сочеталась с понятиями закона, борьбы, справедливости, честности, вызова и бунта. В результате герой-мужчина оказался перегружен работой и чрезмерно ангажирован. И постепенно был вытеснен на периферию, превратившись в антигероя, а потом вернувшись на круги своя, но в игровом, пародийном варианте.

Гипермужественность в кино предстает теперь в своей постмодернистской невин-

ности, в схематичной наивности, в шутовском легкомыслии, в разнообразных нюансах иронии — таковы и Клинт Иствуд (до того как состарился и стал моральной иконой), и Сталлоне, и Шварценеггер, и Брюс Уиллис, и Николас Кейдж. Есть, конечно, и постромантические красавчики: Антонио Бандерас или Джонни Депп. Поклонники считают их красоту ангельской, лунной, жертвенной — словом, необычайно утонченной. Публика попроще предпочитает Тома Круза и ему подобных: на фоне всяческих экстравагантностей они воплощают тип красивого и богатого мужчины (но не мачо) с обворожительной улыбкой, всегда оптимистично настроенного.

Именно в то время, когда стали рушиться классические представления о мужественности, возникла благоприятная среда для игры в бондиану, растянувшейся на полвека — от начала 60-х до наших дней. Первым и неповторимым Бондом был Шон Коннери: его пролетарское происхождение (и вытекавший из него органический сексизм) пикантно оттеняло наигранный аристократизм героя и давало простор для самоиронии. Простолудином был и сменивший Коннери в роли агента 007 Джордж Лейзенби, но ему для созда-

ния культа не хватило индивидуальности. Первым «настоящим англичанином» на прищипе бондианы оказался Роджер Мур: в нем было меньше брутальности, больше юмора, обаяния и элегантно дендизма. Тимоти Далтон сыграл Бонда очень реалистично, но, пожалуй, слишком серьезно, поэтому пришлось менять его на Пирса Броснана.

Броснан сделал из Бонда героя нового гламурного мира, состоящего исключительно из брендов, в один из которых давно превратился сам образ культового агента. Наконец, Дэниел Крэйг представил Бонда холодным породистым хищником: тракторка, которая тоже не исключает глубоко спрятанной иронии. Все эти Бонды — своего рода мачо на полставки, маскулинные персонажи эпохи сексуальной революции, которые с огромным напряжением, часто впадая в гиперболу и гротеск, защищают остатки старых ценностей на фоне всеобщего распада.